

ЭСМИРА ФУАД

МНЕ ХВАТИТ ЛИШЬ ТОГО, ЧТОБ ЖИЛИ МОИ СТИХИ...

*Я не падка до славы,
Шумиха славы меня утомила.
Никогда насильно ничего
не получала,
Вот такой я человек.
Не хочу ни криков,
ни славословий,
Не хочу ни капельки славы.
Не хочу! Пусть блестит
себе в сторонке.
Мне хватит лишь того,
чтоб жили мои стихи
– мой голос,
И касались нежностью
нежных сердец,
Больше ничего не хочу,
ей-богу, мне этого хватит...*

Добровольно отказавшаяся от славы, она строит свой мир и завоевавшая многие в 1938-м году в городе Баку в семье интеллигентов Школу №1. Но, как и великого Шахрияра, преддидича не стала хотя как не заинтересовать юную девушку, и волнение ее души, неумолкающая и пламенная любовь к искусству привели ее в Университет Искусств имени М.А. Алиева... С 1960-го по 1974-ый год она мастерски работала диктором в Азербайджанском Комитете Теле и Радио Передач. Но, спустя годы, не желая утомлять армию фанатов, которые собирались перед воротами телевидения в жажде хотя бы мельком увидеть своего кумира, желая остаться в их памяти такой, какой она была – молодой, красивой и притягательной, она покинула свою притягательную в глазах многих работу на телевидении и решила заняться преподаванием дикции и культуры речи в Университете Культуры и Искусств..

Бесконечная любовь к родине, свободолюбие, дух непримиримой борьбы и завораживающая неповторимая искренность ее произведений рождают вопрос: может, ее добровольный уход с любимой работы без каких-либо объяснений связан с тем, что она устала озвучивать новости, не приходящиеся ей по душе?

Народный поэт Сабир Рустамханлы в предисловии к книге поэтессы «Я иду по пути» пишет: «Мы не знали, что Нурангиз Гулубекова – жемчужина Азербайджанского телевидения, покорила сердца зрителей нежным голосом, ясным произношением, изысканными манерами, профессионализмом и красотой, занимается вдобавок литературным творчеством. Она сама была блистательным произведением, каждый день вступающим в наши дома как самый желанный гость, прекрасным стихотворением Творца. Почему-то в те годы Нурангиз ханым казалась мне беззаботным человеком, не ведающим горя, она напоминала принцессу, сошедшую с миниатюр или египетских папирусов, чьи миндалевидные глаза лучились вечным счастьем...»

По сути, это являлось тайным воспеванием свободного духа поэтессы, прославлением ее независимости, которая, возможно, не была еще полностью осознана даже самим автором, а только интуитивно прочувствована!..

По прошествии времени оказалось, что Нурангиз Гюн и вправду словно дочь небесного Солнца – свободная и независимая, гордая и непокорная...

Именно потому на протяжении всего своего творчества она смогла уберечь свою свободу, искренне выражать свои меткие мысли, не допускала лжи, двуличия, фальши и лести, была далека от искусственного пафоса, писала только лишь правду. Пороки общества, недостатки, нравственные изъяны, боль по Гарабаху, забывчивость, предательство, равнодушие к национальным проблемам, безразличие к нашему родному языку в какой бы то ни было сфере никогда не ускользали от ее взгляда... В такие моменты она обращалась к чистым, безгрешным созданиям природы, и делилась с ними наболевшим, передавала свои послания... Она даже просила у Горлицы, которую воспевала («*Одинокая моя горлица! Молчаливая детка! Пчелка моя и Светлячок!*»), прощения за тех, кто творит всю эту несправедливость, за своих соплеменников, «*вносящих зло в добро*», «*привечающих плохих и отгоняющих хороших*»:

*Не каждая нитка с жемчугом есть жизнь,
Не каждое терпение вытерпеть!
Прости!
Мы обманули, обманывали, отвернулись,
В одном – зажглись, в другом – угасли.
Не думала, что настолько мы неверны!
Прости!
Привечали плохое, отгоняли хорошее,
А порой, вносили зло в добро,
Вот так и пролетела жизнь!
Как птица!
Мы позабыли путь любви!
Мы сгубили нежные цветы!
Прости!
Прости!*

Нурангиз Гюн оставила неизгладимый след в истории литературы как модернистский поэт нашего времени. А специфика модерна заключается в создании собственной истины. Она шла путем создавшего свою истину Назыма Хикмета, считающегося великим

поэтом в литературном сообществе. Стихами, выражающими новаторские темы, мотивы, образы и мысли, она смело и с верой в себя создавала собственные истины...

Ее любовь к Родине, похожая на ветер, не знающий преград, на радостную весну, не ограничивалась лишь Северным Азербайджаном, в ее истекающих прямо из сердца стихах эта любовь шествовала прямо до Тебриза и становилась цельной в первой колыбели тюрка, в древнем родном краю... В стихотворение «Моя любовь» слышится эхо этой цельности:

*Моя любовь – скакун гнедой,
Что мчится радостно в Тебриз.
Моя любовь – огонь и пламя,
Согреет тех, кто наг и сир.
Моя любовь растопит камень –
Дарю ее тебе, о, Мир!..*

Безграничной была любовь читателей к поэтессе, взошедшей в горизонте современной азербайджанской поэзии, точно Солнце, к поэтессе, обращающейся к небесам со словами: «Благодарю тебя, Боже, за то, что даровал мне человеколюбие! За это стоит жить и не губить в себе оптимизм...» И, продолжая мысль поэта, хочу добавить: стоит жить и умереть, имея в душе такую любовь...

*Дитяtko! Открой дверь, это я.
Принесла боль в груди и боль в голове...
Видишь, нет у меня рогов.
Были бы рога, я принесла бы не траву, а Коня и жизнь,
Конь скачет ввысь, а жизнь точно крылатая сказка!..
Принесла бы Коня, принесла бы жизнь.*

Невоплощенные мечты поэтессы привели к тому, что в ее сердце поселилась боль и она, «белоснежный цветок», зачахла от тяжести этой боли, от тяжести этого груза... В конце концов, эта боль превратила ее в «комнатного мотылька и человека, находящегося под домашним арестом»... Хотя были времена, когда ей хотелось исхлестать хлыстом серую пустоту, всю подлость, пустопорожних людей, вызывающих тоску:

*Пустая тишина, совершенно пустая...
В пустоте ни любви, ни ненависти, ни счастья,
Ни чувств, ни голоса!
Я была на скакуне. Так где же он? Где же мой кнут?
Пусть скакун мой достанется вам. Но верните мне кнут!
Хочу исхлестать
Эту пустоту!*

В интервью сайту Lent.az Нурангиз-ханым дает прямой ответ на причины своего затворничества, начавшегося с пятидесятилетнего возраста:

«Я всегда жила, охваченная думами и заботами. В 1937-м году погибла вся моя семья. Мы потеряли моего деда Мирзу Алекпера Гаджизаде Эфенди. Он был знаменитым врачом и служил людям безвозмездно. Потеря близких тяжела для меня. Потом я потеряла отца, мать и брата. Лишь я сама зна, какую скорбь и печаль испытала без них. Но я никогда никому не давала ничего почувствовать. Я не имею права кого-либо нагружать. Я очень привязана к дому. Я как комнатный мотылек, как человек, находящийся под домашним арестом. Я сама решила жить таким образом...»

Вот так, развесив по стенам своего дома портреты родных, которых потеряла, она беседовала с ними, делилась наболевшим и возвращалась в свое прошлое, в минувшие дни, пролетевшие в мгновении ока. Она часто печалилась оттого, что не смогла прожить жизнь, о которой мечтала и которой была достойна, точно «крылатую сказку». Нурангиз Гюн – само воплощение искренности, спокойно и безмолвно принимавшая несправедливую игру, ведущуюся против нее судьбой, всегда смело высказывающая свои мысли, так же искренне говорит о своем оборвавшемся счастье:

«Однажды брат взглянул на меня и сказал, что я достойна всех радостей и счастья. Он прекрасно меня чувствовал и прекрасно видел, кто носит на голове корону счастья... Только сейчас я всё понимаю. Наверное, так было суждено... А еще я в те времена ничего ведь для себя не искала...»

Разве только в те времена? Нет, нисколько! Она всю свою жизнь ничего не искала, ни за чем не бегала, ждала, когда в один из прекрасных дней счастье само найдет ее... Ведь она знала, хорошо понимала, что достойна всех радостей и счастья...

Но ее гордость и достоинство всегда сопровождали ее и не давали этой женщине, с уст которой не сходила улыбка, а в глазах жила печаль, совершить неуместный шаг... Она безмолвно шла по своему пути и пядь за пядью шла к Солнцу, чье имя гордо носила, шла до тех пор, пока сама не «обратилась в путь»...

*В волосах ветер, в душе колыбельная,
В голове поверженная любовь...
Иду по пути, пока не устану.
Впереди гряда гор, отвесные скалы, холодное море,
Одна-одинешенька в закатный час
Я иду по пути, пока не угасну.
Позади меня спуски, на плече солнечный луч,
В объятьях держу дочь и трепет,
Иду по пути, пока сама не обращусь в путь.*

Да, именно так... Сегодня она сама указывает путь молодым авторам, взявшимся за перо и вступившим в литературный мир, она сама становится путем, по которому следуют.

Я всегда придерживалась того мнения, что в имени человека скрываются тайны, связанные с характером и деяниями носителя. Перелистывая страницы жизни этой прекрасной женщины, в чьем имени скрывается свет, а литературный псевдоним означает Солнце, я в очередной раз убедилась в абсолютной верности своего мнения...

Нурангиз Гюн очень любила просыпаться спозаранку, раньше всех, и приветствовать Солнце. Когда было пасмурно и не выглядывало Солнце, ей становилось тоскливо на душе. И конечно, ее преданная любовь к Солнцу, вера в его первичность столь глубоко впитались в ее стихи, что читатель не может не заметить эту характерную черту поэта:

*У этой земли сначала родилось Солнце,
Эта земля замешана на желтых лучах.
Предком этой земли было Солнце.
Клятва моя, мой Бог, моя вера!*

Конечно, назвать себя «Древом света» может только безумно любящая Солнце и прибегающая к защите его лучей поэтесса с тюркскими корнями, поэтесса, оправдывающая смысл частицы «Нур» в своем имени своими поступками, называющая небо – Творцом, так же безумно любящая землю, небо, мать-природу, ее дары, ненавидящая

охотников, отлавливающих украшение природы – птиц, называющая этих птиц «своей жизнью». Она печалится от того, что цветы срывают, оценивает Женский день 8 марта как день гибели цветов, и в этот день даже не поднимает трубку телефона, чтобы никто не вздумал срывать цветы, желая поздравить ее с праздником...

Нурангиз Гюн назвала свой первый опыт в прозе «Творцом», ее следующие книги, все ее поэтическое творчество, – тоже обращены к небесам – Солнечному Богу, кроме «Ходжалинской симфонии»...

По сути, в «Ходжалинской симфонии» автор тоже обращается к Творцу, раскрывает в мольбе руки, но несколько иначе... Ибо она написала это произведение с болью по оккупированным территориям, по раненному, раздробленному отчужденному краю. Ее искренний патриотизм, чуткость к людской боли, переживание горестей невинных соплеменников как личное горе, бунт против жестокости и зверства, ненависть к политическим воротилам, играющим с людскими жизнями, ясно прочитываются в этой поэме, а гуманизм заставляет задуматься...

«Я пришла в литературу, пришла к читателю без стеснений. Один Бог знает, что я испытывала, когда писала каждую строку... Я хочу всех видеть счастливыми, и больше всего видеть счастливой свою Родину», – правда, искренность и боль этих слов вливаются в душу читателя «Ходжалинской симфонии».

Несомненно, «Ходжалинская симфония» – произведение, сознательно ведущее борьбу против несправедливостей и жестокости во всем мире. Часто стихи, замешанные на самой сути человечности, становились революционными гимнами.

Казалось, у нее больше не осталось сил слушать стенанья наших потерянных земель, иссякало терпение оттого, что запаздывает долгожданная весть об освобождении оккупированного Гарабаха... Ее стихи, в которых прочитывается глубокая любовь к Родине, поэма «Ходжалинская симфония» дают право высказать эту мысль.

Книги Нурангиз Гюн «Творец – дитя человечества» (Повесть и рассказ. Баку – «Гянджлик», 1984), «Белые крылья» (Стихи и поэма. Баку – «Язычы», 1986), «Молитва Солнцу» (Стихи и поэма. Баку – «Язычы», 1990), «Иду по пути» (Стихи и поэмы. Баку – «Адилъоглу», 2004), «Оставшимся» (Стихи. Баку – Мутарджим, 2015) дарят нашему миру свободу, искренность, надежду, печаль и любовь, в этих книгах отчетливо просматривается неповторимый образ самой Нурангиз Гюн, напоминающей о любви, пропавшей на чужбине времени. Чуткий читатель посредством этих оригинальных стихотворений ближе узнал и полюбил их неповторимого автора...

Она была неповторима, отличалась от остальных, была чиста и прозрачна точно родниковая вода, не боялась высказывать свои свободолобивые мысли, и никогда в жизни не умела входить в роль, надевать личину. Любила предельно искренне беседовать с понравившимся ей человеком, с которым она ощущала духовное родство. И она находилась выше человеческой любви и рутины. Она достигла этой высоты, убегая от земной помпезности, лжи и двуличия. Причины этого побега легко можно найти в стихотворении «Убегаю», написанном в 1980-м году:

*Убегаю от славословий, пышных комнат, –
Из дворцов!
Убегаю от лживых улыбок, фальшивых поцелуев,
Встреч, где говорят за спиной!
Убегаю от рук, держащих топор, извилистых путей,
Шума, гама и обмана!
Убегаю я от «ветра», отнимающего счастье мое
И дающего его другому!*

Весной 1981-го года в четвертом номере журнала «Улдуз» был напечатан «Творец – дитя человечества» – повесть Нурангиз Гюн. Это оказалось для многих неожиданным, повесть встретили с глубокой симпатией и интересом и она вызвала большой резонанс. Естественно, не только острый и драматический сюжет, необычная и в то же время привычная тема произведения вели читателя страница за страницей. Любовь читателя к повести и ее автору обуславливали также эпичность с неповторимой повествовательной манерой, бесподобно глубокая искренность, тенденция прямого обращения к читателю и желание раскрыть перед ним все тайники сердца и души, стилистическое новаторство.

Повесть «Творец – дитя человечества» стала неоспоримым доказательством того, что Нурангиз Гюн, известная и любимая до 1980-х годов в качестве поэта, обладает большим талантом и в качестве прозаика. Примечательно и то, что вопросы, темы и мотивы, которые Нурангиз Гюн поднимала в своих стихотворениях, не повторились в ее прозе. Наоборот, «новаторство в рассмотрении жизни и способах выражения» углубило первое впечатление, вызванное повестью «Творец – дитя человечества».

Таким образом, начиная с 1981-го года стихи и поэмы писательницы, ее прозаические произведения систематически печатались в таких газетах и журналах, как «Азербайджан», «Литературный Азербайджан», альманах «Гобустан», «Улдуз», «Природа Азербайджана», «Молодежь Азербайджана», «Коммунист», «Вышка», «Бакинский рабочий», «Баку», а впоследствии – в газетах «Айдынлыг», «Улус», «Эдалят», «525-ая Газета», «Гюнай», «Хуррийет», «Азадлыг», «Мусават» и т.д. В то же время были изданы ее крупные произведения – поэмы «Последний сон столетия», «Белые крылья», «Счастливо оставаться, путь Агджи», «Ветры Северного Кыбырса», «Снежный роман», «Ходжалинская симфония», цикл сонетов «Вечное и неповторимое», «Самый высокий цветочный холм и снежный колодец», «Красная ночь»...

Примечательно, что после издания повести «Творец – дитя человечества», которое «своим лирико-эмоциональным настроением, запоминающимися образами и эпико-драматическим сюжетом является настоящим образцом прозы», подтверждение мыслей поэта С. Рустамханлы, увидевшего и прочувствовавшего в Нурангиз Гюн настоящего знатока культуры и патриота своей родины и нации, ценителя истинного художественного слова, мы находим и в статье «Болящее сердце» (газета «Литература и Искусство», 15 мая 1987-го года) народного писателя, выдающегося общественного деятеля Мирзы Ибрагимова: «Если в произведении слышится биение сердца писателя, чувствуется горечь и сладость его глубинных желаний и тоски, то читатель не может оставаться к такому произведению равнодушным. Это качество в особенности действенно в таких произведениях, сюжет которых больше строится не на внешних конфликтах, а внутренних, на психологических мотивах и противоречиях. Нурангиз ханым с любовью описывает свою героиню (по сути, создает собственный образ). Она так живо воссоздает свое тоскливое, задумчивое, растерянное и тревожное состояние в вагоне, свой внутренний мир, что мы с самого начала верим – она духовно чистая, добрая, любящая людей, заботливая женщина, мы любим ее и ничуть не обманываемся в собственных чувствах; мы делим и радость, и горе этой красивой и внешне, и внутренне женщины, чувствуем аромат ее красоты и обаяния...»

Она была точно художник... Посредством слова, мощи слова она создавала такие неподражаемые пейзажи, живые картины, что при чтении читатель, подобно автору, оказывался посреди этих пейзажей, наблюдающим ход солнца, луны, звезд – всей галактики, обнаруживал себя изумленно смотрящим на всю эту красоту...

«Настало время заката. Янтарное солнце, светившее и царствовавшее над живыми на протяжении всего дня, погружалось в дрему. Теперь это желтое-прежелтое величественное Солнце превратилось в алый крохотный плод граната и скатывалось вниз по горизонту. Чуть спустя вошла Луна. Луна повисла прямо над ее головой. Протяни она руку, могла бы достать этот серебряный сноп. Серебряные нити Луны показались ей такими

длинными, такими протяженными, что захотелось схватиться за эти нити и взобраться на небеса. Ей показалось, что звезды – кристаллы соли, что кто-то собрал эти кристаллы из соляного озера в горсть и высыпал эту горсть на небо... Солнце устало. И Луна уходила в свое гнездышко, и звезды стеснялись этой пары голубых глаз, любовно и неотрывно на них смотрящих...».

Эта влюбленность ясно видна в ее произведениях. И видно еще и то, что она влюблена не только в мать-природу, в ее дожди, снега, небеса, землю, но и во все Прекрасное. Влюблена в родной язык, азербайджанский язык, в свой народ, свой край, национальную идентичность, тюркские корни. Влюбленность в родной язык, без всяких сомнений, возросла стократно в период работы диктором, во время обучения университетских студентов дикции и культуре речи. Лишь писатель, хорошо знающий тонкости языка, скрытые смысловые пласты слов, синонимический ряд и любящий родной язык всем своим существом, мог создать в повести «Творец – дитя человечества» такой оригинальный поэтизм, высокий художественный язык, совершенные образы, нестандартные пейзажи природы и сельские пейзажи. Читая ее прозу, ты можешь почувствовать себя промокшим под ливнем, который она описывает и даже *«схватиться за струи ливня и взобраться на небо»... «Дождь очень усилился. Ему подыскали хорошее название – как из ведра! Он лил точно из ведра. Этот дождь можно выпить, этот дождь можно обнять и расцеловать, под этим дождем можно раскрыть все секреты своего сердца, под этим дождем можно даже раздеться догола, под этим дождем можно искупаться, бегать и прыгать, забыв обо всем...»*

Художественный язык, используемый поэтом, совершенен, подобранные слова обладают множеством оттенков. Неслучайно, академик Иса Габибейли выделяет не резкие и обличительные произведения Нурангиз ханым, решительно критикующей советский имперский режим, а нежные, лирические стихи и уподобляет их фиалкам, которые несмотря на поникший венчик, всегда оборачиваются робко к солнцу. «В стихах Нурангиз Гюн, написанных до государственной независимости Азербайджана, невозможно не увидеть среди нежного материнского голоса выражение больших гражданских чувств и отображение национальной тематики высоким поэтическим стилем. Еще в середине 80-х годов – во времена бывшего Советского Союза – она расценила этот имперский режим в качестве *«республики-клетки»* и высказала это нежным, трогательным, чутким материнским голосом. В этом смысле размышления Нурангиз Гюн о независимости после того, как Азербайджан завоевал суверенитет, стали расцветать в ее произведениях точно фиалки. Не случайно, в стихах Нурангиз Гюн преобладают строки и поэтические рассуждения фиалковых оттенков. Как известно, у фиалки поникший венчик, но несмотря на это, она всегда тянется к солнцу. Я бы уподобил творчество Нурангиз Гюн цветку фиалки, тянущейся к солнцу. Ибо в ее стихах немало солнечного света и образов солнца. Этот фиалковый цвет под солнечными лучами в творчестве Нурангиз Гюн полностью выражает палитру, многокрасочность, поэтическую гамму азербайджанской независимости».

В стихотворении *«Мне холодно, солнце...»* и других тематически близких стихотворениях особенно сильны междустрочные смыслы. Враги матери-природы, сильные мира сего, политические воротилы, жаждущие власти в мире – безжалостные охотники за чистыми мечтами свободолюбивых людей. Читателю порой хочется присоединиться к естественному желанию поэта, дрожащего от холода тут на земле и молящего древнее Солнце забрать ее к себе и согреть:

*Мой ненаглядный! Жаркий, громадный! Меня защити!..
Зловещим мне видится всё.
Возьми меня отсюда. Забери, забери!.....
Тут на земле мне так холодно, Солнце!*

... В стихотворении «Мы уйдем из мира в раскачивающейся люльке» Нурангиз Гюн создает философию обреченности человека на вечный уход из этого конечного мира, где никому навеки не задержаться, и поэт бьет тревогу, призывая уберечь этот мир от людей, враждующих друг с другом, от всего зла:

*Человек вступает в мир в раскачивающейся люльке!
В такой же люльке мы уйдем из этого мира.
В крохотной люльке – человека рожденье,
В люльке большой – уход человека...
Мы сами себе в этом мире
Люльку строгаем,
Мы сами поначалу поем колыбельную,
А потом плачем и причитаем.
Давайте, люди, беречь наш мир от коротких жизней,
Давайте, люди, беречь!
Давайте искать не зло, а только добро.
Наш шар полон воды, так пусть не будет слез.
Наш шар полон печали, пусть не будут нужны люльки большие.*

В стихотворении «Миг разлуки» мы снова становимся свидетелями неподражаемого сравнения. Рука дорогого сердцу человека выпадает из руки поэта, она уподобляет смертельный стон крику журавлей и это – изумление поэта перед чудом природы. Соленая слезинка пронзенного пулей журавля, который не падает наземь, а повисает на облаках, так обжигает уста нежного поэта, что эту горечь не смоят ни моря, ни реки, ничто не поможет этой боли... Кто может сказать, что эта горечь не является болью и стенанием наших беженцев и вынужденных переселенцев, потерявших кров соплеменников, болью тех людей во всем мире, которые мучаются в тисках голода и нищеты?

От этой боли терзалась писательница, выражающая свою скорбь в строках и уставшая от груза тяжких раздумий... В такие мгновения она обращалась к Солнцу и просила у него помощи, просила, чтобы оно забрало ее к себе... Так и случилось, дочь Солнца вернулась туда, откуда некогда снизошла... Но и из высей она продолжает наблюдать земную жизнь, порицать и проклинать зло... Стихотворение «Я – дерево света» прекрасное доказательство этого моего мнения:

*Нет, я не умерла! Запомните вы оба!
Я – престол света, древо света!
Если вы поднимете голову к небесам,
Небеса испепелят ваши глаза!
Вот тогда и я,
Уставившись вниз,
Рассмеюсь от души и пошлю вам обоим привет!!!*